

Галина ОСМАНКИНА

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕАЛА ХРИСТИАНСТВА В ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Основной жизненный принцип той или иной культуры отражает мировоззрение и мироощущение эпохи, некий ее «дух». «Дух эпохи» рисует картину не только исторических фактов, но и раскрывает внутренние процессы, отражающие как красоту, так и мрачные стороны того или иного исторического периода. Как зеркало эпохи, изобразительное искусство выявляет всю суть и характер социального и культурного фона общества, его идеал и правду времени.

Рассматривая искусство в исторической континуитивности (непрерывность), нельзя не отметить преобразование образного видения мира через искусство, в котором аккумулируется мировосприятие той или иной культуры, выраженной с помощью таких выразительных средств как линия и цвет. Ибо пластическое воплощение творческого замысла есть производное от мировоззренческого устоя культуры и общества. В основе всего многообразия художественной визуализации идей лежат определенные художественные процессы с вполне определенными системами принципов (подходов) творческой интерпретации и модификации, которые определяют характер художественного процесса в целом и свойства каждого произведения в отдельности.

Линия и цвет — это главные составляющие и идейные выразители в различных видах искусства, будь то живопись, графика, скульптура, архитектура или дизайн. При этом линия является источником всех видов искусства, а живопись их душой.

Используя эти два фактора, в искусстве можно создавать удивительные

тельные образы, неповторимые по своей красоте и индивидуальности. Однако трудно себе представить какой-либо образ вне линий и цвета. Синтез этих средств выразительности наиболее ярко отражает художественный процесс любого произведения и определяет его историческое значение в художественной культуре.

Духовные преобразования и мировоззрения человечества происходят постоянно, начиная с первобытного общества. Особый мир человеческой и духовной общности берет начало с возникновения христианской религии.

Сложение средневековой христианской культуры основывалось на изучении существовавших духовных традиций древних цивилизаций. Освоение ранее существовавшей философии и религиозной мысли в византийской культуре шло в русле духовно-нравственных исканий, которые по своей сути были близки древним мистическим традициям Востока и античности. Как утверждает в своем труде «Соперники христианства» Ф. Ф. Зелинский: «В движении каждого народа на пути к самосознанию наступает момент, когда он, в лице лучших своих представителей, ощущает потребность разобраться в том смутном нравственном чутье, которое вложено в душу каждого нормального человека, и вылить его в форму определенного нравственного закона» [1]. В результате была создана особая культура, имеющая «чистую» этику и наивысшую степень нравственного совершенствования человечества. «Духом времени» можно назвать образ нравственного совершенства в лице Иисуса Христа. Благодаря этой личности, практически все общество, которое избрало для себя христианскую религию, пошло по пути мировоззрения данной религии. Ф. Ф. Зелинский отмечает, что именно «Христос первый научил людей относить к Богу свои помыслы и деяния. Он первый поставил веру во главу угла человеческой морали» [1].

В раннехристианских византийских представлениях Вселенная делится на два мира, которые не зависят друг от друга. Первичным и подлинно сущим является мир духовный, так как в нем царит полная гармония. Другой же мир, мир чувственный, может быть разным и не всегда идеальным, поскольку наряду с возвышенным миром, например, миром красоты, есть и мир плотских желаний, являющийся миром

искушения. Поэтому чувственная природа человека — это нечто вторичное. Теологи христианства видели цель проповедуемой ими религии в приближении к божественному идеалу через очищение человеческой души. Через Церковь человек получал благодать, посланную Богом за свои «добрые» дела. Тем самым она становилась как бы социальным институтом в отношениях между Богом и человеком.

Огромное значение в IV в. для христианской культуры имели каппадокийцы. Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Назианзин происходили из самой восточной провинции Каппадокия. Главой этой школы был Василий Великий или, иначе, Кесарийский.

Ими была разработана и создана христианская философия, которая опиралась на древнюю историю эллинского мышления. Каппадокийцы хорошо знали античную философию. Особенно близок им был неоплатонизм. Теистический характер данной философской системы связан был у них с идеями христианского аскетизма. Так Василий Кесарийский выступал как ярый сторонник аскетической, монашеской жизни. Ратуя за «чистую» Церковь, которая была бы далека от мирских забот, он создал два устава монашеской жизни. Василий Великий утверждал, что пока человек развлечен земными заботами, он не может познать ясно истину и единственное средство избавиться от забот — это отречение от мира. И. С. Свенцицкая по этому поводу пишет: «Разрыв между провозглашаемыми идеалами и образом жизни высших священнослужителей приводил к тому, что отдельные люди, стремившиеся воплотить эти идеалы, отказывались «от мира», уходили из городов, становились отшельниками» [2].

Евсевий Кесарийский, придворный епископ Константина, обосновал это явление в апологетическом сочинении «Евангельское предначертание» (около 323 г.). Он писал о том, что Церковь установила два разных правила поведения для двух различных типов жизни: одно для тех, кто стремится к высшим религиозным добродетелям (целомудрие, выбор безбрачия, отказ от богатства, незаинтересованность в каком бы то ни было ухудшении социальных условий, полное посвящение жизни служению Богу), и другое для тех, кто остается на уровне привычек повседневного существования (семейные узы, рождение детей, выполнение гражданского и военного долга, преследование материальных выгод).

Документально аскеты зафиксированы были в Египте во II в. Но настоящее, массовое монашеское движение началось на рубеже III–IV вв., и связано оно было с последствиями кризиса. Монастырь представлялся подобием «града» небесного, как отрицание «града» земного — античного полиса. Из тысяч отшельников, порвавших с миром, образовались первые египетские монастыри в отдаленных, труднодоступных местах — в пустыне, в горах. Их основателями и создателями первых устоев считались Антоний и Пахомий (конец III — середина IV в.)

Монашеский уход от мира, в отличие от сектантского, был проявлением не враждебности к нему, а Христовой любви: в горах и пустынях монахи молились о спасении человечества.

В эпоху мученичества уход от мира становился актом вступления в лоно Церкви. Монашество на многие века стало для Церкви формой отречения от всего, что могло бы увести человека от Христа. Оно стало и выражением свободы от всемогущества империи, напоминало о том, что существуют цели и ценности более высокие, нежели мирское могущество. Обычные чувства — вера, любовь, сострадание, угрызения совести, открывались и рассматривались в ином аспекте — как феномены. Они поднимались аскетами на новые, религиозно-философские высоты. Это были уже не просто чувства, а чувства с большой буквы, — Любовь, Вера, Сострадание. Придавая огромное значение данным понятиям, монашество стремилось к самосовершенствованию личности. Таким поведением осуществлялись заповеди Иисуса Христа, произнесенные им в Нагорной проповеди: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (*Мф.* 5 : 48) [3]. Это означало: не убей, не прелюбодействуй, возлюби ближнего своего и врага, поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой и т. п. Ведущую роль стало играть самосознание человека, его внутреннее Я. Покаяния, страдания, самоуничтожения выступали как результат напряженной внутренней духовной жизни личности. И это было отнюдь не рядовое правило поведения, а результат высоконравственного достижения идеалов. Христианство, с этой точки зрения, принесло новые нравственные принципы поведения, сделав огромный шаг вперед в понимании человека и общества.

Каждая религия имеет собственные средства для привлечения верующих к своим идеалам. Как правило, любая вера окружена ореолом таинственности, сказочности. Ведь человек устроен так, что ему необходимо видеть, ощущать что-то необычное, загадочное. Поэтому, особенно во внешней стороне любой религии, немаловажное значение имеет красочность, пышность, яркость обрядовости, ритуала. Не исключение в этом аспекте и христианство. Такие ощущения в данной религии дает храм. Это особый мир. Там нет суеты и шума. Все очень спокойно и умиротворенно. Никто не мешает верующему окунуться

в свои мысли и раздумья. Там можно насладиться красотой фресок, послушать неторопливую музыку, которая плавно течет, будто ангелы поют на небесах. Там отдыхает душа человека. Происходит процесс очищения. Человек как бы набирается сил. Сердце верующего наполняется радостью и надеждой от сознания того, что, находясь в храме, он общается непосредственно с Богом.

Характер храмовой постройки должен был соответствовать идеям религиозного культа, и являться отображением и выражением этих идей. Другими словами, архитектура через линии и пропорции выражала идеи веры. Русский историк христианства Н. Ф. Красносельцев писал: «Христианство явилось в мир, как религия новая и совершенная. Оно принесло новые идеи, которые должны были преобразовать человечество самым коренным образом. Новые идеи требовали форм для своего обнаружения и притом форм, по-видимому, совершенно новых. Однако из истории известно, что христианство с самых первых пор своего существования иногда довольно терпимо относилось и к старым формам и не только иудейским, но и языческим» [4].

Идейная основа для создания определенного типа храма у христиан являлась главнейшим образующим началом при формировании архитектурных элементов, структуры храмовой постройки и живописных образов, украшающих внутреннее пространство здания. Линии архитектурных элементов и образов святых, а также ирреальный цвет использовался для усиления воздействия на окружающих, находящихся в храме. При этом применялась и определенная ритмическая структура. С ее помощью происходило постепенное раскрытие действия и вывод верующих к кульминационному месту в центре храма. Данного эффекта достигали при помощи дематериализации объемных форм, особого ритма криволинейных очертаний и развития определенного композиционного построения архитектурных элементов сверху вниз. Так, средневековый теолог Феофил писал о таком характере устройства храма: «...Человек, находясь внизу, начинает строить дом с земли и не может надлежащим образом возвести его и сделать крышу, если прежде не положит основания. Могущество же бога обнаруживается в том, что он творит вещи из ничего и так, как ему угодно. Ибо “невоз-

можное у людей — возможно у бога». Посему и пророк говорит, что прежде всего им сотворено небо наподобие кровли. «В начале, — утверждает он, — сотворил бог небо...» [5]. Итак, небо, наподобие свода, обнимало все вещество, походившее тогда на глыбу. Ибо другой пророк, именем Исая, сказал о небе: «Бог сотворил небо как свод и простер его как шатер для житья». Вторит ему и Василий Великий: «...об очертании неба для нас достаточно сказано у того же пророка в славословии богу: “Поставивый небо яко камару” (Ис. 40 : 22)» [5].

Стремление византийских зодчих к композиционному развитию сверху вниз, полностью перевернуло привычные представления античного искусства. Чувство реальной весомости объема исчезло, сам свод мироздания оказался невесомым. Василий Великий пишет следующее по этому поводу: «...Касательно сущности неба довольно для нас сказанного у Исая, который в простых словах дал нам достаточное понятие о природе его, сказал: “Утвердите небо яко дым” (Ис. 51 : 6), то есть для сотворения мира осуществивший естественно тонкое, не твердое, не грубое» [5]. Даже земля как твердое тело оказывается без опоры, весь организм вселенной зависит только от мира высшего. «А потому, — продолжает далее Василий, — и себе самим, и спрашивающим нас: на чем опирается этот огромный и несдержанный груз земли? — надобно ответить: “в руце божией концы земли” (Пс. 94 : 4). Эта мысль и для нас самая безопасная и для слушающих полезная» [5]. Составные части храма вытекали и зависели от сущности христианской веры. Как говорил апостол Павел в своем обращении к Коринфянам: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1 Кор. 3 : 16–17) [3]. Храм стал отображением внутреннего состояния человеческой души, и тот синтез искусств, который был предложен христианством, давал верующим гармонию в земном мире, при котором социальная несправедливость воспринималась как временная, чисто земная невзгода. Особое религиозное мировоззрение христиан отобразилось в важном и интересном гештальте — «храмовом образе». Это особый тип храма, который, по словам средневекового теолога Максима Исповедника, олицетворял «образ и подобие Божие» [6].

«Храмовый образ» — это синтез архитектурных элементов, живописных символов и музыкального строя, объединенных ритмическим построением, имеющих мистико-богословскую канву, выраженную в символах, для усиления воздействия на катарсис верующих. «Когда византиец слушал церковное пение, — пишет отечественный искусствовед В. Н. Лазарев, — настраивающее его на определенный лад, когда он видел сияние бесконечных огней, сотнями рефлексов игравших на золоте мозаик, когда он внимательно вглядывался в изображение евангельских сцен, украшавших своды... тогда византиец чувствовал себя на вершине блаженства. Как в греческом театре античный человек находил полное удовлетворение своим духовным потребностям, так византиец обретал в церковном богослужении моменты наиболее возвышенной радости. В эти моменты его душа устремлялась к богу, чье незримое присутствие он ощущал в каждой частице причастия, в каждом кубике мозаики, в каждом звуке церковной песни, в каждом дуновении фимиама» [7].

Храм стал тем местом, где душа человека общалась с Богом. Это был своего рода микрокосм, вбирающий в себя мироздание. В нем царил полная гармония. Храм — это не только красиво украшенные стены, это особый мир — мир иллюзий, мир божественных грез, мир души, обладающий эмоционально-психологическим эффектом воздействия на верующих. Для рождения такого мироощущения византийцами и был создан этот своеобразный «храмовый образ».

Таким образом, здание храма представляло собой концентрацию некоей энергии, способной влиять на внутреннее психическое состояние тех, кто собирался в нем для поклонения Богу.

Такое мистическое воздействие было возможно лишь при точном соотношении размеров и пропорций частей здания, а также особого характера архитектурных линий и линий в изображении образов на фресках и мозаиках, украшающих храм. В результате храм стал сложным символическим образом, отображающим мировоззрение христианской религии. Сложная и намеренная ритмическая организация архитектурных элементов в сочетании со зрительной дематериализацией форм и строгостью линий, рождали чувство абстракции от непосред-

ственного восприятия, чувство высокого интеллекта. Это было искусство не душевное, а духовное. Замечательно выразил эту особенность Григорий Нисский в «Толкованиях к написанию псалмов»: «Пестрое смешение вещей в мировом целом, повинуюсь некоему стройному и ненарушимому ладу и само собой согласуясь через соподчинение частей, творит вселенскую мелодию. Эта мелодия внятна для ума, ничем не развлекаемого, но поднявшегося над чувственными ощущениями и слушающего напев небес» [8].

Новая структура раннехристианского искусства не была чисто внешним фактом. Она отражала новое мировоззрение, новую религию, принципиально новое понимание действительности.

В композициях на евангельские и ветхозаветные сюжеты и в портретах многочисленных святых Церковь усматривает могущественнейшее средство пропаганды христианских идей. Бесплотные фигуры вырисовываются как легкие, прозрачные тени, оторванные от земли и всего земного. Все материальное подавляется ради достижения максимальной одухотворенности. Значение линии возрастает. Спокойные, струящиеся линии одежд святых, например, в мозаиках церкви Святого Димитрия в Салониках в VII в., скрывают тела, делая их невидимыми. Прием не новый. Строгость линий пришла с Востока. Египтяне применяли такую линию для изображения богов, фараонов и простых людей в росписях гробниц. Там характер линий был обусловлен стремлением человека вести правильный образ жизни и готовить себя к загробной, лучшей жизни. Поэтому строгость и «сухость» линий была обязательна. В христианстве схожесть с Египтом означала анахоресис или аскетизм, как акт праведной, совершенной жизни. Ведь в самом начале становления христианской культуры и искусства, начиная с IV в., сильно было, как уже говорилось, движение монашества. Конечно, этот факт не мог оставаться в стороне от религиозного искусства. Однако в первых веках все же сильно было и влияние античности, где в образах святых преобладали более мягкие линии, позднее примерно с VI–VII вв. характер линий ужесточается. В X–XI вв. жесткость и экспрессивность линий возросла. Это особенно хорошо видно на примере мозаик церкви монастыря Хосиос Лукас в Фокиде, убран-

ство которой было выполнено около 1000 г. Линия в образах будто проволока, пронизывающая своей жесткостью и декоративностью, усиливающая эмоциональное воздействие на верующего. Глаза святых обводятся толстой черной линией для придания выразительности и суровости взгляду. Линии складок одежд ломаются, придавая большую бестелесность и одухотворенность образу. Такое решение изображения вторило устремлению архитектурных элементов к вершине, к Богу. Отсюда идет стремление к вертикальному решению и архитектурных элементов самого здания, и иконографических композиций на его стенах. Дух побеждает тело, а вместе с тем исчезает тягостная борьба между телом и духом, происходит воссоединение с макрокосмосом Вселенной. Примат духа вносит в художественный замысел церковного искусства значительное успокоение, христианский спиритуализм находит для себя соответствующие формы выражения, в которых растворяются постепенно житейские проблемы и переживания.

Христианская религия в Византии явилась духовной субстанцией ее культуры. А христианский храм стал аккумулятором и религиозных, и философских, и культурно-эстетических идеалов времени.

Византия дала средневековому миру высокие образцы литературы и искусства, которые отличало не только благородное изящество форм, но и глубина философско-религиозной мысли, образное видение мира, тонченность эстетического мышления.

1. *Зелинский Ф. Ф.* Соперники христианства. — СПб, 1995. — С. 197, 201.
2. *Свенцицкая И. С.* Ранее христианство: страницы истории. — С. 181.
3. Новый завет.
4. *Красносельцев Н. Ф.* Очерки из истории христианского храма: Вып. 1. — Казань, 1881. — С. 3, 344.
5. Сочинения древних христианских апологетов. — СПб, 1999. — С. 11, 199–945.
6. *Максим Исповедник.* Тайноводство: Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения: В 2 т. — СПб, 1855. — Т. 1. — С. 300, 544.
7. *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. — М., 1986. — С. 17, 329.

8. Памятники византийской литературы IV–IX веков / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. — М., 1968. — С. 85, 351.

Анотація. У статті досліджується зображувальна лінія як емоційно-філософське вираження ідеалу християнства у візантійській культурі.

Ключові слова: ідеал, християнство, візантійська культура.

Аннотация. В статье исследуется изобразительная линия как эмоционально-философское выражение идеала христианства в византийской культуре.

Ключевые слова: идеал, христианство, византийская культура.

Summary. In article the graphic line as emotionally-philosophical expression of an ideal of Christianity in the Byzantine culture is investigated.

Keywords: ideal, Christianity, the Byzantine culture.